

**«ПОКА РОДИНА В ЦЕПЯХ –
ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ МЕЧЕНОСЦЕМ!»**
(Публицистика М. П. Арцыбашева периода эмиграции)

И.Р. Жиленко

В статье освещается публицистическая деятельность М.П.Арцыбашева эмигрантского периода. Анализируя основные темы и мотивы «Записок писателя», автор показывает Арцыбашева пламенным борцом против большевизма, который одним из первых понял антинародную сущность советской власти, поэтому смело и правдиво разоблачал ее в своих публикациях.

Ключевые слова: публицистика, эмиграция, большевизм, тема, мотив.

Крупные социально-исторические события всегда находили отклик в русской литературе, стремившейся не только объективно отразить их, но и понять причины и следствия. В XX веке таким крупнейшим событием стала Октябрьская революция 1917 года, потрясшая мир и оказавшая влияние на исторические судьбы всех народов. В последнее время появляется большой интерес к публицистике этого периода, запечатлевшей живые воспоминания свидетелей революционных событий. Были переизданы «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Окаянные дни» И. Бунина, дневники М. Пришвина, В. Короленко, Л. Андреева, А. Аверченко и других русских писателей, отрицательно относившихся к революции. В свое время большевистская критика осудила позиции этих писателей, а на их произведения фактически наложила табу.

В свете сказанного представляет интерес публицистика М. П. Арцыбашева (1878–1927), в которой отражены события революции и гражданской войны и выражено негативное отношение к деятельности большевиков.

Актуальность работы. Несмотря на то, что в последние годы литературное наследие Арцыбашева привлекает внимание многих исследователей (Л. Бердышева, И. Суворова, М. Грачева, Л. Еременко, Г. Карпова, С. Никоненко, Т. Прокопов, П. Николаев, И. Жиленко и др.), его публицистика еще не получила должного освещения.

Цель настоящей статьи – проанализировать публицистику Арцыбашева периода эмиграции, охарактеризовать идейные позиции автора, основные темы и мотивы его «Записок писателя».

Публицистика Арцыбашева нашла некоторое освещение в справочных изданиях «Писатели русского зарубежья» под ред. А.Н. Николюкина (1994), «Энциклопедии русской эмиграции» В. Шелохаева (1997), «Историческом справочнике русского марксиста» (1999), учебном пособии «Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков» под ред. В. Г. Жиркова (2003) и других.

«Записки писателя» Арцыбашев начал публиковать в различных изданиях, начиная с 1907 г., в основном на литературные темы: о Чехове, Пушкине, Толстом и др. С 1911 г. наступил перерыв вплоть до мая 1917 г., когда они появились в московской газете «Свобода».

В 1917 году были выпущены отдельной брошюрой статьи Арцыбашева «Война», «Предатели и ренегаты», «Труссы. Под знаком глупости и безволия», объединенные общей идеей: как спасти Россию? [3]. Работы написаны под впечатлением происходящих событий: бушующего времени всеобщей разрухи, когда «мир спутался в кровавый узел» войны. Арцыбашев выступал против тех, кто призывал к войне ради личной выгоды, считая, что человеку не хочется жертвовать самым дорогим, что у него есть – жизнью, но он вынужден подписываться «под революциями и лозунгами не чернилом, а собственной кровью» [16].

Рубрику «Записок писателя» Арцыбашев вел в московской газете «Свобода» до последнего дня существования в России независимой печати. Позднее в статье «Личность и принцип» (1925) он так определил свою позицию: «Дважды обращались большевики ко мне, предлагая работать с ними и обещая за то великие и богатые милости, и дважды я отвечал им, что Арцыбашев не продается» [4, с. 337].

В 1920 г. писатель обратился к Ленину с просьбой разрешить поездку за границу: «Я очень болен, устал, мне необходимо серьезно полечиться». Разрешение было получено, и в 1923 г. Арцыбашев эмигрировал в Польшу, где принял польское гражданство и стал участником «Народного союза защиты родины и свободы». «Я писатель, и голос мой – голос писателя. Когда писателю негде писать, он молчит», – отвечал Арцыбашев на озлобленные выпады против него Кусковой [4, с. 337].

В 1924 г., в письме к Б. Савинкову, Арцыбашев утверждал, что еще в России наметил «Свободу» как единственный орган, в котором сможет работать. Вместе с Философовым Арцыбашев редактировал газету «За свободу!»¹. Девиз издания – «За Родину и Свободу!» Этими же словами увенчано и надгробие Арцыбашева в Варшаве. С самого момента основания газеты ее политическим кредо был и оставался непреклонный антибольшевизм, установка на активные методы борьбы, включая террор, а также неприязнь к монархической эмиграции.

На первое место в его литературной деятельности в Варшаве выходит публицистика. По словам Д. Философова, вступив в эмиграцию, Арцыбашев громко заявил, что отныне впредь до падения большевиков он более не романист, не новеллист, не драматург, а только публицист, политик и трибун-патриот. «Я покинул родину, – писал Арцыбашев в статье «Жгучий вопрос» (1925), – не из страха перед террором, не потому, что боялся голодной смерти <...> Я покинул родину потому, что в ней воцарилось голое насилие, задавившее всякую свободу мысли и слова, превратившее весь русский народ в бессловесных рабов... Я покинул родину <...>, чтобы самому не быть рабом» [4, с. 361].

С 26 сентября 1923 г. по 11 февраля 1927 г. Арцыбашев опубликовал больше сотни статей под рубрикой «Записки писателя» и завоевал славу первого русского публициста русского зарубежья.

О публицистике Арцыбашева эмигрантского периода положительно отзывались многие писатели, среди них – З. Гиппиус, А. Куприн, М. Белевская, А. Амфитеатров, Д. Философов и другие.

В статье «Литературная записка. Полет в Европу. I» (1924) Гиппиус писала, что Арцыбашев все понимает не как художник-беллетрист, а как «художник-человек». Не принявшая его роман «Санин», Гиппиус восторгалась тому, с какой силой, с каким блеском заговорил Арцыбашев после пятилетнего молчания, каждую его статью она называла воистину художественным произведением и считала, что только в варшавской газете и мог Арцыбашев обрести свободу слова [1, с. 715, 714].

Гиппиус высоко ценила гражданскую позицию писателя («По Арцыбашеву», 1925 г.), отмечала, что Арцыбашев, при всей своей кристальной непримиримости к большевикам, хочет видеть Россию новой, свободной: «Большевики для него не только убийцы тела: они повинны в грехе, какой «не прощается ни в сем веке, ни в будущем»: они – хулители и гонители Духа Божьего, в человеке проявляющегося; Духа

---

¹ Первоначально эта, пожалуй, самая популярная эмигрантская ежедневная газета, которая начала выходить 17 июля 1920 г., называлась «Свобода», а с 4 ноября 1921 г. с высылкой из Польши савинковцев по настоянию советского правительства изменила название и стала называться политическим, литературным и общественным изданием «За свободу!». В газете в 1920–1921 гг. сотрудничали Б.В.Савинков, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Д.В.Философов и другие.

свободы, красоты, творчества, истины и любви...». Гиппиус советовала студентам и молодым людям «жить по Арцыбашеву» [2, с. 726-727].

Однако восторженные отклики Гиппиус вызвали острую полемику: несогласие выразил сотрудник газеты «Последние новости» С.В.Познер, к спору подключился Д. Философов и сам М. Арцыбашев («Истошный вопль», «Как будто бы письмо», «Четыре заповеди полемиста»).

В числе тех, кто приветствовал появление публицистики Арцыбашева, был А. Куприн, опубликовавший в нескольких номерах парижской «Русской газеты» в 1925 году статью под названием «Слагаемое». Зная Арцыбашева больше двадцати лет, отмечая его ум, характер, большой талант, беспощадную правдивость и безоглядную смелость, Куприн утверждал, что у Арцыбашева в эмиграции появилась возможность открыто показать любовь к Родине, что и проявилось в его публицистике. «Все, что ни пишет Арцыбашев, полно мужественной скорбью о России, неутомимой ненавистью к ее случайным – да! Случайным! Поработителям и к их добровольным прислужникам, тоской по России, а стало быть, и великой любовью», – писал Куприн [5, с. 717].

Высоко оценили публицистику Арцыбашева польские писатели. Так, М. Здзеховский в статье «Арцыбашев и русский вопрос в Польше», опубликованной в виленской газете «Слово» 6 апреля 1927 г., а затем перепечатанной в газете «За свободу» 14 и 15 апреля 1927 г., писал, что Арцыбашев был не только знаменитым писателем, но в последние годы стал «пророком для своего народа». Здзеховский утверждал, что Арцыбашев «будил совесть, укреплял сердца, призывал к неумолимой и святой борьбе и клеймил ленивых и малодушных. Силой слова никто не превзошел его». Здзеховский восхищался писателем, который не склонился под властью большевиков, не подчинился советским декретам и ответил на официальное предложение большевистского Госиздата, что до тех пор, пока нет в России свободы слова, он им не писатель [8, с. 1-2].

Очерк А. Луганова (Вебер) «Единое», опубликованный в газете «За свободу» 26 июня 1927 г., содержит рецензию на вышедшую посмертно под редакцией Д. Философова книгу «Черемуха» (1927). Автор считает, что Арцыбашев сделал «большое и полезное дело», что благодаря этому сборнику открылся новый писатель, а содержание сборника, несмотря на разнообразие тем, одно: Россия [9, с. 2].

А. В. Амфитеатров в лекции «Литература в изгнании» (1929) говорит о писателях, которые, несмотря на материальные и моральные лишения, остались несломленными духом. Среди более 100 имен автор называет и Арцыбашева, который не только словом, но и личным примером зажигал молодежь. Деятельность Арцыбашева, по словам Амфитеатрова, была «сплошным бомбометательством в лагерь коммунизма», а литературная школа, оставленная им после себя, «не пишет, а стреляет, уходит с винтовками в белорусские леса, организует и ведет крестьянские восстания», «бьет змею, да не забывает и змеенышей... беспощадно истребляет всякую большевистскую власть и сама от нее бестрепетно погибает, с чувством исполненного патриотического долга» [10, с. 29].

Особо следует отметить некрологи, посвященные памяти Арцыбашева. Их авторы (Гиппиус, Куприн, Философов, Белевская, Вебер и многие другие) писали о горячей любви к родине как о главной черте писателя-публициста. Куприн отмечал его «прямолинейную, грубоватую, не ломающуюся и не гнущуюся честность», «прямоту и мужественную любовь к Родине» – именно эти качества, по его мнению, сделали из Арцыбашева одного из самых непримиримых, страстных и смелых врагов большевизма [6, с. 728].

М. Белевская утверждала, что Арцыбашев превыше жизни любил Россию, всей силой своего чувства ненавидел ее поработителей, призывал, чтобы все прониклись единым чувством любви к Родине и ненавистью к

ее нынешним властителям. Это была, по мнению Белевской, «его единая идея, единая цель и единое стремление» [7, с. 4].

Яркие речи произнесли на вечере памяти Арцыбашева 10 марта 1928 года Д. Философов и Д. Пасманик. Философов назвал Арцыбашева «великим художником своего времени», «ясновидящим», «непоколебимым принцем», у которого «интуиция художника совпала с логикой историка». Арцыбашев, по его мнению, боролся за Россию, против большевиков, с косностью эмиграции, со смертью. Его политическое завещание – «примирение – в непримиримости» [11, с.776, 779].

Пасманик сетовал, что после Арцыбашева осталось пустое место, никем не занятое, что писатель оказался единственным, незаменимым, что с его смертью произошло «настоящее осиротение русской жизни, русской мысли и русского слова». Автор вспоминал слова Арцыбашева: «Пока родина в цепях – художник должен быть меченосцем» [12, с.19]. Именно они определяют творческое кредо публициста.

В постсоветский период, как было сказано, усилилось внимание к творчеству Арцыбашева и его публицистике. О. В. Розинская в диссертации «Русская литературная эмиграция в Польше (1920-30-е годы)» уделяет внимание варшавскому периоду жизни Арцыбашева. Она пишет, что Здзеховский, читая «Записки писателя», находил в них «подтверждение собственных наблюдений и суждений» [13, с. 107].

Необходимо отметить, что если современники Арцыбашева обращали главное внимание на антибольшевистский характер его статей и их художественную силу, то современные исследователи больше акцентируют внимание на террористическом звучании, которое пронизывает большинство публикаций Арцыбашева варшавского периода. Красной нитью проходит мысль об эмигрантском экстремизме в выступлениях Д. И. Зубарева («Красная чума» и белый терроризм», 1996), К. А. Чистякова («Идеологи эмигрантского экстремизма», 1998) и других.

Зубарев отметил то, что Арцыбашев регулярно печатал «Записки писателя», пронизанные яростным отрицанием советского строя и содержащие открытые, пугавшие даже Б. Савинкова, призывы к террору, – и против носителей большевизма, и против его защитников. Арцыбашев, по его мнению, был и на всю жизнь остался человеком Экклезиаста и верил только в то, что человек на Земле обречен страданию и смерти. «И коммунисты, во имя вздорной сказки о грядущем рае земном убившие миллионы людей и отнявшие свободу у остального населения России, казались ему невиданными в истории человечества лжецами и обманщиками». Такую разновидность идеологии белого террора Зубарев предлагает назвать «террором экзистенциальным» [14].

Чистяков также относит Арцыбашева к идеологам эмигрантского экстремизма, считая, что путь террора был единственным выходом для разочарованных эмигрантских масс¹. Статьи Арцыбашева, пронизанные мыслью о святости мести большевикам, считает Чистяков, принесли реальные плоды: толкнули эмигранта Коверду на убийство советского полпреда в Польше Войкова [15].

«Записки писателя» Арцыбашева были изданы в Варшаве в 2-х томах: первый – в 1925 г., второй – в 1927 г. (посмертно), в который вошли только 33 статьи.

---

¹ Об исключительной роли Арцыбашева как общеэмигрантского идеолога антибольшевистской непримиримости и мести дают также представление ежегодные «молебны непримиримости» на его могиле на Вельском православном кладбище в Варшаве, проходившие в день смерти писателя, 3 марта, вплоть до 1944 г.

Основные темы 1-го тома «Записок писателя» (1923-1925): зверства большевиков, судьбы эмиграции, писатели русской литературы, еврейство, Ленин и другие.

Главная тема – разоблачение большевизма. Одной из наиболее острых является статья «Показания по делу Конради» (1923), в которой Арцыбашев писал о том, что, несмотря на опасности и лишения, длительное время оставался в России, и перед его глазами прошла «вся эпопея большевизма, с ее безумным началом и бесстыдным концом», поэтому он выступает со свидетельством против большевиков [4, с. 179]. Арцыбашев клеймит людей, не способных к созиданию, называет их «грабителями и палачами», пишет о том, что огромное большинство русского народа ненавидело советскую власть, которая держится только беспощадным террором, подобного которому еще не видал мир. Автор приводит страшные цифры, когда в Москве в течение нескольких месяцев 1921 года число жертв, павших только на одной городской бойне, колебалось от 1500 до 2000 человек в месяц. Он риторически спрашивает: «Что могут дать эти случайные цифры, когда даже в маленьких уездных городках трупы расстрелянных иногда складывались в штабели, как дрова?.. когда в подвалах чека приходилось делать бетонные полы и стоки для спуска крови?.. когда у ялтинского мола волосы расстрелянных и брошенных в море женщин, покрывая волны, образовали как бы новый вид морских водорослей?.. когда в киевском городском саду, где зимой проводились расстрелы, земля настолько пропиталась кровью, что весной...начала издавать зловоние могилы?» [4, с. 183]. Нельзя читать эти свидетельства без содрогания. Арцыбашев дает картину дикого произвола большевиков, безумных декретов, «большевистской опричнины», когда у крестьян отбиралось все, что превышало норму личного потребления. «Об их казнокрадстве, лихоимстве, богатстве, картежной игре, пьянстве и разврате знала вся Россия», – утверждает писатель. Хотя некоторые и смотрели на все это с ужасом и отвращением, они боялись нарушить партийную дисциплину, следовательно, становились соучастниками преступлений. Арцыбашев высказывает заветную мечту: полное свержение большевистского правительства. Он призывает сохранить святую ненависть к палачам своей Родины.

Такой же ненавистью к большевикам проникнуты и все остальные статьи, в которых Арцыбашев, часто повторяясь, выступает против большевиков и доказывает пагубность приспособленчества. «Всякое приспособление ко злу, – пишет он в работе «Или-или» (1923), – всякое со злом прикосновение и близость – понижают дух, оподляют, делают невозможным очистительный процесс и для родины, и для индивидуальности». И продолжает: «Нет и не может быть никакого примирения с убийцами, грабителями, палачами, духовными растлителями многих поколений». Арцыбашев гордится тем, что ни единой минуты не служил большевикам: «Мне приходилось зарабатывать на хлеб собственными руками, но эти руки ни разу не протянулись к большевикам...» [4, с. 192-199].

В статье «Суд» (1923) Арцыбашев дает волю фантазии и приводит на суд «жалкие человеческие отребья с голодными, волчьими глазами, с застывшей волей и мыслью» и в который раз спрашивает: «Откуда эти взрослые сильные мужчины с окровавленными головами, откуда эти призраки изможденных женщин, с печатью неизбежной скорби и позора на лицах, откуда эти жалкие скелетики детей со скрюченными тоненькими лапками вместо рук и ног, с огромными раздутыми животами?». Приведя «жертв великого коммунистического эксперимента», Арцыбашев срывает судебный процесс [4, с. 202, 203]. Но

все это лишь его фантазия, на самом деле в России царит страх, ужас, голод.

Антибольшевистскую тему писатель продолжает в статье «Пощечина» (1923), утверждая: «Кто творит одно дело с палачами, тот сам палач». Воровский, по его мнению, был убит не как идейный коммунист, а как палач. Он убит человеком, который видел то, что творится в России, поэтому выступает в защиту Конради. Арцыбашев горд, что в оправдании Конради вся мировая печать усмотрела «пощечину большевизму», а от себя добавляет, что лозаннский процесс – это «пощечина не большевизму, а всему культурному миру» [4, с. 223, 225].

Серьезную полемику вызвали статьи «Завоевания революции» (1923), «О революции, о правде, о г-же Кусковой и о самом себе» (1924). В полемику включился и Куприн, поддержавший Арцыбашева и защитивший его от нападок Кусковой. В этих публикациях Арцыбашев продолжает утверждать, что раны, нанесенные революцией, тяжелы, и понадобится много лет, чтобы их залечить, что большевики – это «кучка захватчиков». Писатель выступает против революций, считая, что всякая революция – это «насильственный переворот», «апофеоз насилия», «кровь, грязь, трупы, холод, голод, разорение, ужас и нечеловеческие страдания». По его мнению, молчание в таких делах «политической смерти подобно» [4, с. 249, 246].

Выступая во многих статьях против вождя большевиков, к годовщине его смерти Арцыбашев написал разгромную работу «Смерть Ленина» (1924). «Ни нашествие Батыя, ни кровавое безумие Иоанна не причинили России такого вреда и не стоили русскому народу столько крови и слез, как шестилетняя диктатура красного вождя», – писал он. Признавая, что авторитет Ленина был огромен и что он был самой видной фигурой современности, Арцыбашев берется анализировать, что же это был за человек. Бесчисленное множество эпитетов и метафор подбирает он для характеристики Ленина: «сухой теоретик», «пламенный фанатик», «подстрекатель», «психически ненормальный человек», «сумасшедший», «безумный вождь», «страшный маньяк», «моральный идиот» и т.д. Писатель утверждает, что Ленин «бросал в толпу кровавые лозунги», «истреблял, но не питал ни злобы, ни ненависти к своим жертвам», «политиканствовал, хитрил, вилял, проповедовал передышки, уступки, компромиссы», поэтому уклонился от своего пути, и потерял из виду и саму цель. Арцыбашев останавливается на том, что Ленин – «не гений, не герой, не фанатик, не честолюбец, не преступник», и все же остается в недоумении: «Неразрешимой загадкой кажется вопрос, каким образом психически ненормальный человек, вся деятельность которого носила черты явного безумия, мог иметь такое исключительное влияние на множество людей...» [4, с. 285-296].

Во 2-м томе «Записок писателя» (1925-1927) Арцыбашев развивает основные темы первого. Открывает его статья «Наш третий клад» (1925), где, цитируя Пушкина, публицист пишет: «...мы сохраним и унесем с собой в могилу то последнее, что у нас осталось: «Мой третий клад – святую мечь!» [4, с. 312].

Анализируя в статье «Тяжелые мысли» (1925) причины русской катастрофы и последствия большевистского правления, Арцыбашев осуждает нерешительность, половинчатость, неспособность к категорическим решениям. Все несчастья России, по мнению писателя, «не в том, что в ней нет республики или монархии, а в том, что она находится во власти большевиков». По его мнению, если бы все это поняли, то встала бы общая задача – свержение советской власти [4, с. 331].

Гнев и возмущение вызвало у Арцыбашева сообщение об убийстве большевиками царской семьи, которое он рассматривает как «самое

подлое и гнусное деяние большевиков» (статья «Последний царь», 1925). Проводя параллель между казнью Людовика XVI, которая легла «грязным пятном на деятелей французской революции», он не скупится в подборе гневных слов, осуждающих злодеяние большевиков: «кровавый акт», «трусливая подлость», «подлый страх» и др. Французские революционеры, подчеркивает Арцыбашев, «судили короля при свете дня и казнили его перед лицом народа, а большевики совершили трусливый и подлый заговор: «вместо поименного голосования – обмен шифрованными телеграммами; вместо зала народного собрания – высокий забор вокруг места убийства, вместо эшафота на площади России – подвал в доме Ипатьева». Вместе с тем Арцыбашев отмечает, что нельзя переложить всю ответственность за содеянное только на большевиков, что участь Николая I была предрешена «предательством одних, революционным ослеплением других, изменой третьих, трусостью четвертых и безмолвием пятых...» [4, с. 313-314].

Публицистика Арцыбашева проникнута такой ненавистью к большевикам, которая по силе выраженного чувства не имеет себе равной в эмигрантской литературе. Вот наиболее характерные мысли писателя:

«...я предпочитаю умереть в изгнании, предпочитаю, чтобы Россия мучилась еще несколько лет, предпочту даже, чтобы она окончательно погибла, но примирения с палачами для меня не может быть» («Личность и принцип», 1925) [4, с. 341];

«Никогда я не пойду ни на какое соглашение с палачами моего народа... Большевики настолько чужды мне духовно, что жизнь, ими налаженная, для меня навсегда останется чужой»; «Я предпочту погибнуть с мечтой о России, которая жива в моей душе, но советской действительности все-таки не приемлю» («Два письма», 1926) [4, с. 433-434];

«Хоть с чертом, но только против большевиков!» («С чертом или без оно», 1925) [4, с. 352];

«...большевики – это международная банда мерзавцев и авантюристов» («Фатальное», 1926) [4, с. 448];

«Большевики нанесли русскому народу такие глубокие и физические раны, что о мгновенном заживлении их с помощью республиканского или монархического пластыря думать смешно»; «А потому я и говорю, с полным убеждением и без всяких трусливых оговорок: «Всякая власть лучше большевиков» («Всякая власть», 1927) [4, с. 486, 487].

Как видим, Арцыбашев был непримиримо настроен против власти советов. Смерть Ленина, по его мнению, была одновременно смертью советской власти. Арцыбашев не понимал и не принимал ленинско-сталинскую политику, всячески призывал к мести, ратовал за освобождение России от большевиков. Его душа болела за Россию, а не за СССР, как он об этом писал, хотя и понимал, что возврата к прошлой России уже не будет.

Волновала писателя и судьба русской литературы. «Существует ли теперь великая русская литература, которою мы так гордимся, или это только наше невозвратимое прошлое?» – спрашивал Арцыбашев. Он считал, что русская литература является мировой литературой, ибо живет общечеловеческими ценностями. Доказывая, что лучшие русские произведения созданы Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Толстым, Достоевским, Чеховым, Арцыбашев утверждал, что «вся остальная масса более или менее талантливых писателей есть лишь более или менее яркое отражение их гения». И несмотря на то, что в нынешних условиях «подсоветские писатели находятся под страшным гнетом, их рты зажаты, крылья связаны», Арцыбашев считал, что русская литература жива, что русская земля не обесплодела [17, с. 421-423].

Вывод. «Записки писателя» – яркий документ послереволюционной эпохи, в котором отразились гнев и ненависть писателя-патриота к большевикам и советской власти. Страстный голос Арцыбашева в защиту свободы актуален и сейчас.

"TILL THE MOTHERLAND IS IN CHAINS THE ARTIST MUST BE A FIGHTER!"
(M.P.Artsibashev's publications of the emigration period)

I.R. Zhilenko

This article deals with M. P. Artsibashev's publicistic activity of emigration period. Analyzing the principal themes and motives of «The Writer's Notes», the author represents the writer as a purposeful fighter against Bolshevism. He was one of the first, who understood the antinational essence of the Soviet power. That's why he exposed it bravely and truthfully in his publications.

Key words: publication, emigration, Bolshevism, theme, motive.

«ПОКА РОДИНА В ЦЕПЯХ – ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ МЕЧЕНОСЦЕМ!»
(Публіцистика М.П.Арцыбашева емігрантського періоду)

I.P. Жиленко

У статті висвітлюється публіцистика М.П.Арцыбашева емігрантського періоду. Аналізуючи основні теми і мотиви його «Записок писателя», автор представляє письменника як полум'яного борця проти більшовизму, який одним з перших зрозумів антинародну сутність радянської влади, тому сміливо і правдиво викривав її у своїх публікаціях.

Ключові слова: публіцистика, еміграція, більшовизм, тема, мотив.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гишпиус З. Литературная запись. Полет в Европу // Арцыбашев М. П. Записки писателя (1907–1927). Дьявол / сост., автор вступ. статьи и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: НПК «Интелвак», 2006. – С. 712-716.
2. Гишпиус З. «По Арцыбашеву» // Арцыбашев М. П. Записки писателя (1907–1927). Дьявол / сост., автор вступ. статьи и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: НПК «Интелвак», 2006. – С. 724-727.
3. Арцыбашев М. П. Война. Предатели и ренегаты. Трусы. Под знаком глупости и безволия // Записки писателя. – Издание газеты «Свобода». – 1917.
4. Арцыбашев М. П. Записки писателя (1907–1927). Дьявол / сост., автор вступ. статьи и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: НПК «Интелвак», 2006. – 792 с.
5. Куприн А. Слагаемое // Арцыбашев М. П. Записки писателя (1907–1927). Дьявол / Сост., автор вступ. статьи и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: НПК «Интелвак», 2006. – С. 716-724.
6. Куприн А. Венок на могилу М.П. Арцыбашева // Арцыбашев М. П. Записки писателя (1907–1927). Дьявол / сост., автор вступ. статьи и примеч. Т. Ф. Прокопов. – М.: НПК «Интелвак», 2006. – С. 727–728.
7. Белевская М.. К смерти М.П.Арцыбашева // Виленское утро. – 1927. – №1937. – 6 марта. – С. 4.
8. Здаеховский М. Арцыбашев и русский вопрос в Польше // За Свободу! – 1927. – № 87 (2119). – 15 апреля. – С. 1-2.
9. Луганов А. Единое // За свободу! – 1927. – №144 (2176). – 26 июня. – С. 2.
10. Амфитеатров А. В. Литература в изгнании. – Белград, 1929.
11. Философов Д. В. Речь, произнесенная 7 мая 1927 года на вечере памяти М. П. Арцыбашева // Арцыбашев М. П. Собр. соч.: в 3-х т. – М., 1994. – Т.3. – С. 773–779.
12. Неугасимая лампада. Памяти Арцыбашева. – Варшава: Издание группы «Единение», 1928. – С. 17–19.
13. Розинская О. В. Русская литературная эмиграция в Польше (1920 – 30-е годы): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02 / О. В. Розинская. – М., 2000. – 161 с.
14. Зубарев Д.И. «Красная чума» и белый терроризм (1918-1940) // Индивидуальный политический террор в России XIX – начале XX в.: материалы конференции; сост. К.Н.Морозов / под ред. Б.Ю.Аванова и А.Б.Рогинского. – М.: Мемориал, 1996. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/terror/n>
15. Чистяков К.А. Идеологи эмигрантского экстремизма: материалы научной конференции. – Москва, 1998. – Режим доступа: <http://www.mochola.org/russiaabroad/chistjakov.htm>
16. Жиленко И.Р. Публицистика Арцыбашева 1917 года // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г. Сковороди. – 2003. – Вип. 3 (35). – С.77-80.

Поступила в редакцию 19 ноября 2009 г.